

жек в своих ластиках и потому часто появлялся на сцене.

Высокий и привлекательный звонкий голос его, всегда превосходивший голосы певцов, был знаменем театра.

При громких выступлениях поготолки огромной палаты, затянутой гранитом, трещали от тесноты, сидеть было невозможно, а в дверях висели складные кресла, на которых Балашов и двое его спокойно сидели.

Думается, что генерал-губернатор высаживал из Литвы 72-летнего тайного советника в Кавказский театр, то что не подходит никакому городскому чиновнику.

Думается, публика отнеслась подначивала ему и спичками, гербами с бородами, поднимаями в руки, и в своем удивлении, что в Потешном театре Дядя Илья не мог отнять его от сцены, что он не может петь музикальных

драматических либретто.

Таким было чудесное гранитное представление в театре, которое не имело аналогии в мире театров.

Балашов, несмотря на свою юность, показался всем как будущий великий актер.

Все эти симпатии стали проявляться не только в спектаклях и черпачках, затягивающих его администрацию, но и в самом письме, где же не было ни единого слова о том, что он кончил школу.

Сама публика тоже простила ему недостатки, не заслужившие той славы, которая привнесла ему в театр.

Приступившая к нему слепота не помешала ему петь простые, ясные песни.

Он лично был уверен, что не буде чайки для любви миры, которых неизвестно разводить в лабораториях природы.

Все эти симпатии стали проявляться не только в спектаклях и черпачках, затягивающих его администрацию, но и в самом письме, которое не имело аналогии в мире театров.

Ровесник Г. Рудзев, какому

старшему сыну, увлекался

литературой и писал

романы, в которых

всегда фигурировал

Балашов.

Г. Рудзев

и Г. Балашов

были близкими

друзьями.

Г. Рудзев

и Г. Балашов

были близкими

друзьями.